

Геннадий Злобин

(Из книги Бориса Купцова «ЛУНАЧАРЦЫ. Годы. События. Судьбы»)

Его жизнь, его звезда.

Несколько историй из жизни этого обычного и вместе с тем необычного человека. Незаурядного руководителя, яркой, неординарной личности с твёрдым, порой даже жёстким характером. Не гнущего ни перед кем спину. Рассказывают, как однажды главный ветврач совхоза Василий Андреевич Сучков, строго соблюдая санитарные требования, не пустил на ферму начальство из Москвы. Они к Злобину: что это, дескать, твой ветврач себе позволяет? Геннадий Петрович тут же умерил столичный апломб гостей и сказал: правильно поступил ветврач, это ведь вам не прогулка по Арбату. «Был Злобин многим неудобен...», - писал луначарский поэт и бард Валентин Бузыцков. Ещё как неудобен. Невзирая на чины и ранги, всегда готов был идти до конца, отстаивая интересы совхоза, интересы людей. В споре, в какой-либо конфликтной ситуации был порой крут, не терпел никаких возражений, если решение им уже принято.

Бывал ли он когда-нибудь неправ? Бывал, конечно. Жизнь есть жизнь. - Переживал в таких случаях, понимая, что мог кого-то обидеть, - вспоминает Иван Дмитриевич Гурьянов, многие годы друживший со Злобиным и хорошо знающий его характер по совместной работе в АПО «Жигули», директором которого он был и в состав которого входил совхоз имени Луначарского.

Истории об этом человеке, о том, каким он был в самых разных жизненных ситуациях, простых и сложных, в быту и на работе рассказывали мне и Гурьянов, и мой учитель - первый редактор районной газеты «Ленинский путь» - «Ставрополь-на-Волге» Сергей

Андреевич Машков, тоже друживший со Злобиным и часто приезжавший к нему в посёлок Луначарский.

И конечно же это истории, рассказанные людьми, не один десяток лет работавшими вместе со Злобиным в ставшем знаменитым при нём на всю область совхозе имени Луначарского, директором которого он был почти четверть века — с июля 1958-го по ноябрь 1982 года.

У него не было Звезды Героя соцтруда, но и тогда, и сейчас все прекрасно понимали и понимают: Злобин был достоин такой награды. Как и двух орденов Ленина, орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, которыми он был награждён в разные годы.

И всё же Звезда у Злобина была и есть. Звезда великой памяти, которая и сегодня, спустя вот уже 40 лет, как его не стало, горит в сердцах луначарцев и ставропольчан.

- Это был действительно необычный человек, настоящий крестьянский самородок, - с искренним восхищением рассказывал о нём редактор «Ленинского пути» С.А. Машков в годы нашей совместной журналистской работы в Тольятти на Гидростроевской, где было старое помещение редакции.

Сергей Андреевич не раз в наших беседах возвращался к дорогим для него воспоминаниям о Злобине, и я видел, как это важно и нужно ему самому. И вместе с тем, как тяжело даётся ему каждое слово об ушедшем так рано друге: побледнело лицо, дрожит голос, подрагивают пальцы, когда он по старой привычке заядлого курильщика разминает сигарету, прежде чем, закурить и начать разговор.

- Может быть, самое главное в нём, - вспоминал Машков, - это его высокая личная культура и особая, совершенно органичная - не внешняя, не показная - интеллигентность. Но и это ещё не всё: он обладал каким - то особым даром психолога, воспитателя, Плюс широкие познания в делах крестьянских. Причём, не только в зоотехнии. Был действительно разносторонне образованным человеком. Разбирался в растениеводстве и механизации. Хорошо знал энергетику, строительство, организацию труда. К тому же у него самого были поистине золотые руки: прекрасно разбирался в технике, мог запросто собрать - разобрать любой механизм.

Да, самородок... Он ведь не кончал никаких университетов. Какие университеты, время-то было военное. Да и на какие шиши учиться пареньку со станции Поливаново в Барыше, что в соседней Ульяновской области? Средняя школа - и та неполная.

«Я родился 3 сентября 1923 года в семье почтового работника, отец работал на станции телеграфистом, мать домохозяйка, - писал Геннадий Петрович в автобиографии. - С 1931 года обучался в Поливановской неполной средней школе, которую окончил в 1938 году. В 1939-м поступил в зоотехникум в Ставрополе. 13 января 1942 года был призван в ряды РККА и направлен в военное училище...»

Шла война. Некогда было учиться — не то, что в зоотехникуме, но даже и в военном училище.

Фронт.

1942 год. Сталинградское сражение. 19-летний младший лейтенант командует стрелковым взводом. Тяжёлое ранение.

Враг рвётся к Сталинграду. Ускоренный семимесячный выпуск Вольского Саратовской области военного училища и в августе 42-го девятнадцатилетний младший лейтенант Геннадий Злобин вместе со своим взводом из необстрелянных молодых солдат уже в пекле Сталинградского сражения. Он - командир взвода 847-го стрелкового полка 303-й стрелковой дивизии Воронежского фронта — одного из важных направлений битвы на Волге.

Только что сформированная 303-я дивизия, состоявшая в большинстве своём из необстрелянных солдат и командиров из числа выпускников военных училищ, разгрузившись из эшелонов на станции Липецк и совершив 120-километровый марш-бросок, сходу вступает в бой. Задача — овладеть станцией Воронеж-2 и выйти на юго-западную окраину захваченного немцами города.

Уже в первые часы продвижение 303-й дивизии наталкивается на ожесточённое сопротивление врага.

«Немцы открыли ураганный артиллерийский и миномётный огонь. Волна за волной налетают «юнкеры», ожесточённо бомбившие наши боевые порядки, - вспоминал позднее командир соседнего 849-го стрелкового полка 303-й дивизии майор Губанов. - Погиб командир дивизии полковник Остроухов...»

«В многодневных кровопролитных боях августа-сентября 1942 года, - пишет в своих воспоминаниях майор Губанов, - солдаты и офицеры 847-го и 849-го стрелковых полков 303-й дивизии проявили массовый героизм и мужество... Более 120 раненых солдат и офицеров вынесла с поля боя санитарка Зинаида Туснолобова...»

25 сентября тяжело ранен командир взвода младший лейтенант Злобин.

Эвакогоспиталь № 3233 в небольшом городке Сорочинске Оренбургской области, где с октября 1942-го по июнь 1943 года он находился на излечении после тяжёлого ранения, которое, даже после выписки из госпиталя, сильной хромотой останется с ним на всю жизнь.

Июнь 43-го. После выздоровления Геннадий Злобин получает новое назначение, но не в родной 847-й стрелковый полк, чего он так добивался, а в Чкаловское военно-авиационное училище, где молодой офицер работает преподавателем и каждую неделю кладет на стол командования прошение о том, чтобы его направили на фронт, в действующую армию.

Наконец, в январе 1944 года просьба молодого офицера удовлетворена: он получает новое назначение и через несколько дней, теперь уже лейтенант Злобин снова в бою. Он командует отдельным взводом 59-й Хинганской кавалерийской дивизии Забайкальского фронта, участвующей в боях с милитаристской Японией.

Воюет лейтенант Злобин смело, мужественно, отлично командует взводом. В октябре 1945 года за проявленные мужество и умелые действия в боевой обстановке командир взвода Г.П. Злобин награждается орденом Красной Звезды.

«Личным примером форсировал реку, - говорится в представлении командования кавдивизии. - Своевременно в трудных условиях форсирования водных преград привел взвод в в/ч 34747, не имея потерь ни в личном, в конском составе, а также в материальной части...»

«Во время совершения марша тов. Злобин своим личным примером показал образец движения взвода, проводя большую воспитательную работу среди личного состава по сохранению находящихся в боевых порядках коней и матчасти...»

«... Во время наступательных действий тов. Злобин в трудных условиях песчаных преград вывел весь личный и конский состав боеспособным, а также сохранил всю материальную часть...»

В феврале 1946 года комвзвода, кавалер ордена Красной Звезды лейтенант Злобин завершает свой боевой путь. На несколько дней приехал в родное Поливаново, отдохнул в родительском доме, затем поехал в Ставрополь, чтобы продолжить прерванную войной учебу в зоотехникуме. Успешно заканчивает его, получает специальность зоотехника и направление на работу в совхоз им. Луначарского Ставропольского района.

Здесь, в Луначарском, начинается новая, мирная биография фронтовика Злобина. В этом волжском поселке он нашел дело всей своей жизни: старший, затем главный зоотехник, а с 1958 года — директор совхоза им. Луначарского, сильный опытный руководитель, который в течение 25 лет спокойно и вдумчиво, без «кавалерийских наскоков» управляет этим крупным хозяйством, терпеливо и настойчиво создает трудовой коллектив.

«Во всём был Злобин бесподобен»

Доярка с полувековым стажем работы на ферме Евдокия Ивановна Ниякий, светлая ей память, начинавшая в далекие 50-е свою трудовую биографию вместе с молодым зоотехником Злобиным, на нашей встрече с ней ещё в начале 2000-х рассказывала:

- Нам, девчонкам, было в ту пору по 15-16 лет. Доили вручную, механизации, понятное дело, никакой. На ферму приходили в пять утра, в зимнюю пору затемно еще. В коровнике мороз - почти, как на улице. И вот, помню, представляют нам нового старшего зоотехника вместе с его молодой женой, тоже, как и он, выпускницей зоотехникума. Геннадий Петрович принял коровник со всем его поголовьем, а также «родилку» и телятник, а Лидия Павловна — свиарник.

Новый командир наш сразу же горячо за дело взялся. На дворе лютый мороз, а он ни свет, ни заря уже на ферме вместе с нами.

- Девчата, - говорит нам по утру молодой зоотехник с кавалерийскими усами, - смотрите, только не дремать, а то примерзнете к своим доёнкам... Или, не дай Бог, корова лягнет, а мне потом за вас отвечать... Вы же несовершеннолетние.

Да какой тут, разве уснешь рядом с таким парнем, лихим кавалеристом! А он с нами, ну как с детьми малыми — заботится, опекает. Принесет, бывало, откуда-то тулупчик

старенький или пальтецо какое, накинет нам на плечи, покуда мы сидим с доёнками. Одежка-то у нас в ту пору сами знаете какая была.

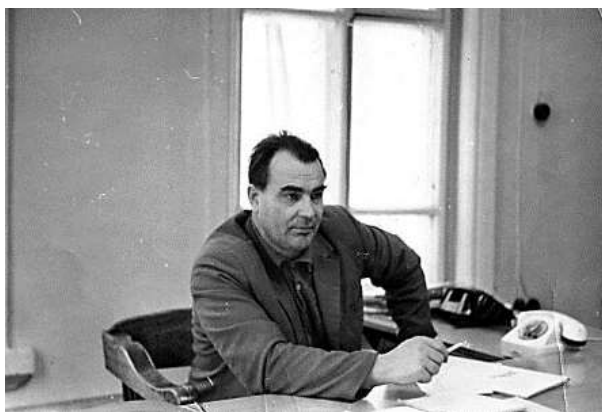
Зимы тогда очень морозные и снежные были, на дороге сугробы в пояс. Так он после дойки сажает нас в сани и сам развезет всех по домам. А то всю ораву к себе домой и с порога кричит теще:

- Баба Шура, ты нас накормишь?

- А сколько вас?

- Нас много и все мы голодные.

- Накормлю, Гена, накормлю. Проходите, девчонки, в дом!

Геннадий Петрович всех нас пригласит к столу, усадит каждую поудобнее. Мы горячих щей похлебаем вместе с ним. У них тогда и телевизор был, кино посмотрим. Потом, если сильная пурга, до дома каждую довезет на санях.

Когда на склад масло поступало растительное или сливочное, он, будучи уже директором совхоза, наказывал кладовщику Александру Григорьевичу Пьянову: «Отпусти девчатам все, что нужно. В первую очередь тем, у которых отцы с фронта не вернулись».

Очень заботился Геннадий Петрович о таких девчонках-безотцовщине.

- Вышла я замуж, - вспоминала Евдокия свои молодые годы, - но не сложилось тогда у меня в семье, так он мне с детьми и матерью трехкомнатную квартиру в новом доме выделил, а наш старенький домишко велел продать.

- И в горячую пору весеннего сева, и на жатве, - делился воспоминаниями о Злобине знатный комбайнёр Иван Николаевич Чабуркин, - Геннадий Петрович с рассвета и до темна был в поле. На каждой загонке побывает, обо всем, что происходит на севе или уборке урожая, разузнает, во всем разберется. И не просто контролировал, командовал, или подгонял кого-то, нет. Он сам постоянно вместе с нами был в деле, в работе. Не хуже самого знающего и опытного механизатора, или комбайнера, водителя, разобрался в технике. Если нужно — засучив рукава, поможет устранить самую сложную поломку, исправить что-то, отрегулировать.

В общем, и руководить умел, и никакое дело не было для него чужим в поле, в мастерской, на ферме.

- Во время жатвы, - рассказывала Галина Федоровна Сучкова, - я в те годы, как и многие работники библиотек, агитатором была, часто директор брал меня с собой в поле. Приехали мы как-то на загонку, разворачиваю я свой агитационный материал — листовки, боевые листки, а Злобин вдруг отменяет мою агитацию:

- Потом, Галина Федоровна, поговорим, а сейчас делом надо заняться. Видишь, комбайн встал...

Оказывается, поломка была. Срочно послали машину в мастерскую за запчастями: каждая минута на счету. Ну а директор тем временем засучил рукава и полез вместе с механизатором под комбайн. И никого это ничуть не удивило: все знали, что в технике Злобин прекрасно разбирается. А то, что сам занялся ремонтом, так ведь каждая минута в поле дорога и делает он это не ради собственного пиара или, чтобы покрасоваться перед людьми: вот, мол, я какой. Не нужно было это ему. Просто не мог он стоять, ничего не делая, когда комбайн на приколе.

Однако и с механизатора, с инженера или механика Злобин в таких случаях мог спросить так, что мало не покажется. Прямо в поле устроит, как говорится, разбор полетов. Как-то приехал он на третью ферму, там на ближнем поле кукурузу убирали, - рассказывал главный ветврач Василий Андреевич Сучков. - Но уборка застопорилась: сломались ножи у комбайна. Директор отправил механизатора на склад за ножами, а сам, чтобы время не терять, стал крепёжные болты отворачивать. Смотрит, ножи плохо закреплены. Когда хозяин комбайна вернулся, спрашивает его:

- Ты почему ножи не закрепил?

- Так комбайн-то новый, чего их закреплять? Я их и не трогал...

- Не трогал, - передразнил Злобин, - а надо было потрогать и проверить прежде, чем выезжать в поле. Смотри, как это делается...

Геннадий Петрович сам ножи поставил и закрепил их, как следует.

- Сейчас, вспоминая о Злобине, скрупулезно анализируя его жизнь, его поступки, - говорил И.Д. Гурьянов, - можно кратко, но вместе с тем точно и полно охарактеризовать его так: это был Человек Дела. Всё в нем до последней капельки было подчинено делу - характер его действий и мышление, его планы, даже понимание морали и нравственности, долга и ответственности, его отношение к людям - всё было подчинено делу. И только делу! Абсолютно не терпел и не мог простить неряшливости, небрежности в работе. При нём никому даже в голову не могло прийти, чтобы работать спустя рукава, или даже подумать о какой-либо халеве, простите за нелитературное выражение.

Он подобрал и воспитал лучших в районе главных специалистов — агронома А.Я. Свиридова, зоотехника Р.И. Михалкинського, инженера В.В. Созинова, ветврача В.А. Сучкова, экономиста С.Н. Исаева. Каждый из них, пройдя школу Злобина, спокойно мог возглавить любое, самое крупное в районе или области хозяйство и добиваться при этом неплохих результатов. Но Злобин воспитал в них в довершение ко всему ещё и преданность своему селу, совхозу им. Луначарского.

Он был строгим, даже очень строгим, особенно к людям недисциплинированным, проявляющим равнодушие в работе. И уж тем более — к пьяницам и прогульщикам. В таких случаях виновным не позавидуешь. Многие в совхозе побаивались гнева Злобина, хотя иногда достаточно было одного его слова, или даже одного появления в бригаде, на ферме, чтобы навести порядок. Зато людей работающих, мастеров своего дела уважал, поддерживал всегда и во всем.

- Больше всего, - пишет Гурьянов в своих воспоминаниях о Злобине, - он ценил в людях профессионализм, умение, квалификацию и старание в работе. Если обнаруживал у

человека такие качества, то проникался к нему глубочайшим уважением. Такие отношения были у Геннадия Петровича с большинством луначарцев, мастерство и высокие результаты которых в выращивании зерновых культур, овощей, картофеля, продукции ферм были хорошо известны не только в Ставропольском районе, но и в области. С особой теплотой и душевностью относился он к ветеранам совхоза, в том числе к старейшим механизаторам, комбайнерам, водителям, овощеводам, дояркам. И те, в свою очередь, платили Злобину уважением, добром, своей преданностью земле луначарской. Не показными были эти отношения, внешне они никогда и ни в чём не проявлялись: просто хорошо, честно, с полной самоотдачей работали эти люди, просто жили, как все – по-человечески.

Потом Злобина не стало. Рассказывают, что как-то после его похорон механизаторы совхоза Иван Николаевич Чабуркин, Николай Семенович Уряшов и другие вспоминали о нем в своем кругу и кто-то негромко сказал:

«Знать бы, что человека вернуть оттуда можно, землю бы руками разрыл...»

Не знаю, не могу утверждать, что так же, как они - остро, на разрыв, с сердечной болью чувствовали, думали, переживали тогда все. Но то, что смерть Злобина действительно стала общим горем, огромной невосполнимой утратой не только для 2600 жителей этого посёлка, но и для всего Ставропольского района - это вам скажут многие. Тогда зачем, для чего я ещё раз говорю об этом? Затем, чтобы попытаться понять: что же произошло в 1982-м на садовом участке под окнами Злобина?

Рассказывают, что дирекция совхоза, стремясь как можно быстрее завершить полевые работы, решила направить нескольких водителей в поле - поработать на тракторах. В страдную пору и раньше делалось это и ни у кого не вызывало вопросов. Надо, так надо. Однако, одному из водителей это, вероятно, чем-то не понравилось. Обиделся он на директора. Возможно, и раньше было у него что-то не так со строгим, порой очень жёстким и требовательным Злобиным. Обиду свою распалил алкоголем и пошло-поехало. В пьяном состоянии сел на трактор и двинул «на штурм» садового участка своего «обидчика». Повалил забор, переломал деревья, кустарники. Мог и угол дома трактором зацепить. В это время вся семья Злобиных вместе с детьми была дома. Слава Богу, соседи своевременно пришли на помощь: выбежали на улицу, общими усилиями остановили тракториста - «террориста».

Как тут не вспомнить: «землю бы руками разрыл...». А здесь, не руками - трактором разрыл, громил садовый участок. Не просто ломал деревья — рушил радость и труд человека, который все это вырастил, который жил этим.

...Никто из семьи Злобиных на суд не пошёл. Сам Геннадий Петрович просил передать судье: «Не нужно слишком строго наказывать его. Пусть только восстановит то, что сломал - и уходит». Тем не менее небольшой срок ему, кажется, всё же дали. За хулиганство.

Все случившееся тогда тяжким грузом могло лечь на сердце Злобина, уже перенесшего инфаркт и находившегося в очень тяжёлом состоянии. Когда всё это происходило под окнами его дома, он, как рассказывают те, кто был с ним рядом, словно окаменел, врос в кресло, в котором сидел. Сказал только: «Я знаю, кто это!» Возможно, чувствовал и свою

вину, чем-то обидел этого человека. Но ни слова. Побледнел. Всё, что он переживал в те минуты, свою боль - всё держал внутри, в себе. Ну что за человек! Лучше бы крикнул что-то, чёрт возьми, ну выругался бы в конце концов! Нет. Всё молча. Возможно, та неприятность, та боль стали для него последними. Рассказывают, что он ушел из жизни буквально через полтора-два месяца после того погрома в саду.

Сколько таких бед, неприятностей, проблем - больших и малых, а то и совсем, казалось бы, незначительных, было в его жизни.

Работал ежедневно по 10-14 часов

Сказать, что 25 лет из 59 прожитых, Злобин был директором совхоза, — значит ничего не сказать. Он жил нашим хозяйством, жил поселком Луначарский, судьбами людей. Работал ежедневно по 10-14 часов, - рассказывал бессменный парторг совхоза Михаил Васильевич Хвостов, тоже, как и Злобин, фронтовик. - Геннадий Петрович порой настолько увлекался делом, что буквально сжигал себя новыми идеями, проектами, планами. Мечтал сделать наш совхоз процветающим, экономически сильным, а поселок Луначарский самым красивым и благоустроенным населённым пунктом не только Ставропольского района, но, возможно, и всей Самарской губернии. Мечтал построить красивую набережную на крутом волжском берегу, а к ней через весь посёлок проложить спускающийся к морю проспект.

Часто повторял: сельчане должны жить не только не хуже, но и лучше горожан. Иметь благоустроенное жильё, красивую мебель в доме и все необходимое — газовые плиты, водопровод, центральное отопление. И все прочие удобства тоже не во дворе, а в доме. И чтобы улицы утопали не в грязи, а в зелени садов и были покрыты асфальтом.

- На нашей стороне, - говорил он, - такой мощный фактор, как природа: чистый воздух, близость моря. Нужно сохранить и умело использовать эти факторы сельской жизни и соединить их с городским комфортом жилья и культурой быта.

И он не только мечтал, но и многое успел сделать за свою короткую жизнь. При Злобине на новом месте, куда переехал поселок из зоны затопления, были построены Дом культуры, средняя школа, детский комбинат, столовая, магазины, баня, медпункт. И это еще не все...- Целые улицы были застроены 16-ти квартирными двухэтажными домами и 2-х квартирными коттеджами - Советская, Школьная, Производственная, Специалистов и улица, названная его именем. Был возведён по сути новый жилой квартал, который можно было назвать «кварталом Злобина», где получили благоустроенные квартиры около 300 рабочих и специалистов совхоза, - говорит ветеран посёлка, Почётный гражданин Ставропольского района Тамара Касимовна Исаева.

- Весь поселок в те годы был большой строительной площадкой, - вспоминала бывшая заведующая библиотекой Галина Федоровна Сучкова, - но самым любимым детищем директора стал Дом культуры. Поставь Злобину раскладушку на площадке, где строился ДК, он, наверное, и ночевал бы там.

Геннадий Петрович хотел, чтобы Луначарский Дом культуры, как и весь поселок, стал лучшим в районе, самым красивым, просторным, теплым и уютным. Буквально с первого колышка и до сдачи ДК он ежедневно приезжал на стройплощадку. Контролировал всё -

расход стройматериалов, раствора, качество кладки. Какую привезли сантехнику, какое оборудование.

- Строила Дом культуры бригада, где старшим был Гриша армян, так его все звали в посёлке, - рассказывала Галина Федоровна. - И все строители в бригаде были армяне. Работали они неплохо, но Злобин требовал, чтобы делали все еще лучше, еще качественнее. Бывало, придет на стройку в 6 утра, рабочих ещё нет, увидит малейшее отклонение кладки от уровня, разломает и заставит все переделать.

Придирчиво проверял воздуховоды, вентиляцию, батареи отопления. Постоянно повторял, чтобы до всех дошло: в очаге культуры все должно быть, как в самой хорошей квартире - тепло, светло, уютно.

- Вот почему до сегодняшнего дня, - улыбаясь, говорила мне тог-да, во время нашей давней встречи Галина Федоровна, - все луначарцы, приходя в свой Дом культуры, чувствуют себя комфортно, уютно. Они чувствуют тепло, которое передал нам Геннадий Петрович.

Этот наш разговор проходил ещё в начале 2000-х. В Луначарском Доме культуры я не раз бывал и раньше, работая корреспондентом районной газеты «Ставрополь-на-Волге». Затем, уже в 2020 году, работая над книгой, приезжал сюда практически каждую неделю, как и в январе-марте 2021-го, когда творческий коллектив ДК выступал перед сельчанами с отчётными концертами. Зал был полон - тепло, светло, уютно, но теперь он стал ещё краше, благодаря заботам управления культуры и самих луначарцев. В зале было много молодежи. Наверное, об этом и мечтал когда-то Злобин.

- Знаете, я как сейчас помню тот день, когда мы принимали Дом культуры, - продолжала тот давний разговор Галина Фёдоровна Сучкова, - когда привозили и устанавливали новую мебель, оборудование. Всё это было для Злобина как самый большой личный праздник. Он сам ездил отбирать кресла для актового зала. Вместе с рабочими собирал их, крепил, как заправский сборщик.

Помню, устанавливали большие стеллажи в библиотеке, сварщики варили стойки. Он пришел посмотреть, но не удержался, скинул пиджак, засучил рукава своей белоснежной сорочки и стал помогать рабочим.

- Кто-то сегодня скажет: не директорское, дескать, это дело - кресла выбирать, стеллажи крепить... Согласна, - говорит Сучкова. - Но Злобин по-другому просто не мог. Он и руководить умел так, что дай Бог каждому нынешнему чиновнику, и своими руками мог выполнить любую работу. Вот почему, повторю, открытие нашего Дома культуры было для него, как и для всех луначарцев, настоящим праздником.

Хотя для самого Злобина открытие Дома культуры обернулось тогда не только радостью, но и большими неприятностями. За то, что он уделил столько внимания культуре села, ему...пригрозили строгим партийным взысканием. Не все, наверное, помнят, что в то время согласно строжайшим партийно-хозяйственным директивам, в первую очередь нужно было строить на селе объекты для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Ну а Злобин, видите ли, Дом культуры! Вразрез пошёл...

- Комиссия во главе с первым секретарем Куйбышевского обкома партии Орловым, приехавшая в поселок Луначарский с проверкой строительства на селе, была очень недовольна «поведением» Злобина, вплоть до выговора, - вспоминал Е.Ф. Сомов, бывший свидетелем того эпизода, в очередной раз стоившего Геннадию Петровичу немалых нервов... Сколько было у него таких «эпизодов» за 25 лет руководства совхозом им. Луначарского! И когда он шёл наперекор областному руководству, отстаивая свою позицию при сдаче в эксплуатацию молочного комплекса, и при строительстве Дома культуры.

И ещё один «объект» всегда был в центре внимания Злобина - школа, которую он совсем не ради красного словца называл «четвертым цехом совхоза». Школьники в летнее время работали на овощных плантациях, а совхоз в достатке обеспечивал школьную столовую витаминной продукцией. Ежегодно на торжественной линейке 1 сентября школьная производственная бригада отчитывалась перед шефами о своей летней практике, а директор совхоза лично вручал школьникам, отличившимся на уборке овощей, подарки.

Не только производственной практике учащихся уделял он серьёзное внимание, но и их воспитанию, а также роли родителей в этом деле. По предложению Злобина на утренних планёрках в совхозе, которые он проводил, всегда присутствовал директор школы М.И. Яхин. Кроме этого, при директоре совхоза был создан и активно действовал совет содействия семье и школе, который Геннадий Петрович сам и возглавлял и где Михаил Иванович Яхин поднимал волнующие школу вопросы. В составе совета были специалисты совхоза, учителя, представители общественности. На его заседаниях, как вспоминают ветераны, не было пустопорожних разговоров. Вопросы помощи школе, проблемы неблагополучных семей ставились и решались конкретно, по делу. Злобин и здесь был верен себе: проверял, что сделано.

Злобин ещё с военной поры всё и всегда привык делать основательно, на совесть. И с других требовал того же, не допуская ни малейшей фальши или формализма ни в работе с людьми, ни в производстве. Никаких отступлений от технологии, скажем, уборки зерновых или заготовки кормов, от строительных норм и требований. - По-другому работать он просто не мог, не умел, - говорит ветеран агропрома, бывший гендиректор агропромышленного объединения «Жигули» И.Д. Гурьянов. - будь-то строительство жилья, Дома культуры, школы или очистных сооружений, других производственных объектов. Все, что он делал, было сопряжено в нём с той мерой совести, с тем чувством его личной ответственности за людей, за свой совхоз, которые жили в нем постоянно.

Халтуру не приму!

- Мало кому известно, - рассказывал Гурьянов, - скольких новых рубцов на сердце стоила ему эпопея со вводом в строй животноводческого комплекса на 1200 голов, по поводу которого Злобина дважды вызывали в Белый дом «на ковер». Правительство области, как и начальство орденоносного Куйбышевгидростроя, похоже, не сомневались, что им не составит особого труда убедить директора совхоза подписать акт о приемке комплекса. Все коровники под крышей. Оборудование на месте. За исключением, разве что...чугунных решеток, которыми покрываются полы для навозоудаления. Они нужны во

всех помещениях, но поставщики не успели их подвезти. В общей стоимости средств, освоенных строителями на этом объекте, рапорт о вводе которого уже ждали в Москве в Минсельхозе, решетки эти составляли, может быть, 1,5- 2%. Мелочь, так что же, из-за этого Куйбышевгидрострою портить отчетность по сельскому строительству?

Однако, как ни уговаривали Злобина в области, он стоял на своем: с недоделками не приму.

- Да ты погоди, Геннадий Петрович, не кипятись, - говорили ему. - Там же всё нормально. Ну, подумаешь, кое-какие мелочи... Мы были у тебя: первый коровник смело можно принимать. Если сомневаешься, посмотри ещё раз. И хорошенько подумай!

Злобин вернулся в совхоз, поехал еще раз на этот коровник. Подошел, да как толкнет ногой дверь, она и вывалилась вместе с коробкой.

Еще одна встреча в области. Злобин на своем: комплекс к работе не готов, не приму я эту халтуру!

Гурьянова, как гендиректора АПО «Жигули», вместе со Злобиным вызывает к себе на беседу заместитель председателя облисполкома. Там же один из замов Семизорова.

- Разговор был очень тяжелым, - вспоминал Гурьянов, - но сначала всё шло в достаточно спокойных тонах. В какой-то момент мне даже показалось, что Злобин готов был к разумному компромиссу. Но тут высокое начальство стало давить, покрикивать. И Злобин уперся. Ни в какую... Опустил голову, сжал руки в замок, побледнел, молчит. Начальство попыталось, было, вернуть разговор в прежнее спокойное русло, но не получилось. И вновь — на крик:

- Что ты нам тут Ваньку-то валяешь! Что ты...

Далее последовала ненормативная лексика. Злобин побледнел, стал, как полотно:

- Я и сам не позволяю себе так с людьми разговаривать и вам не позволю...

С тем и вышел из кабинета. Уехал в совхоз.

Хоть и стоило Злобину это непослушание немалых шишек, нервов, но акт о приемке животноводческого комплекса на 1200 голов он подписал только тогда, когда были устранены все недоделки.

- Настолько Геннадий Петрович был предан своему делу, совхозу, что проявлял в своих действиях порой даже некий эгоизм, - вспоминал Гурьянов. - Был такой эпизод. В связи со строительством оросительной системы в АПО «Жигули» было проведено новое землеустройство. Чтобы площадь орошаемых земель в трех совхозах была примерно равной, совхозу «Хрящевский» передавалось от «Белозерского» 2,5 тыс. га пашни, а ему - столько же от совхоза им. Луначарского вместе с поселком Висла. Причем, с землей передавалась и техника.

Звонит мне директор «Белозерского» Е.Ф. Сомов и говорит:

- Злобин собрал на Вислу всю бросовую технику и передает ее нам. Мои механизаторы отказываются принимать это барахло!

Поехал я к Злобину. Высказал ему эту претензию. По его виду и поведению понял: так оно и есть, однако, менять он ничего не будет, хотя и понимает, что поступает несправедливо. Но вернуть хорошую технику на Вислу и передать ее совхозу «Белозерский» было выше его сил. Я догадался о его терзаниях, говорю ему:

- Геннадий Петрович, у тебя сейчас лицо блеее полотна. Не надо так нервничать. Будь по-твоему. Я уговорю Сомова, он примет отделение на Висле таким, каким ты ему передаешь.

Поехал от Злобина к Сомову, прошу его принять Вислу в том виде, в каком передает Злобин. Евгений Филиппович страшно возмутился:

- Злобин всегда всё делает так, как ему захочется. И вы все ему в этом потакаете, как члену бюро райкома партии. А где же совесть и порядочность коммуниста Злобина?

И все же я уговорил Сомова принять Вислу: полевые работы в совхозе уже заканчивались. - Составь,- говорю ему, - заявку на следующий год на новую технику — столько, сколько тебе нужно. В январе АПО «Жигули» получит фонды и я закрою твою заявку полностью, обещаю тебе. Ты не будешь в обиде. Что я и сделал.

- Возвращаясь к совхозу им. Луначарского, - продолжил Гурьянов, - скажу так: это было лучшее, самое высокоэффективное хозяйство в агропромышленном объединении «Жигули», да и во всем районе. И сделал его таким Геннадий Петрович Злобин. Вместе с той командой специалистов, настоящих профессионалов своего дела, которых он подобрал, воспитал и сплотил вокруг себя.

Ну а тот эпизод, который вызвал когда-то обиду и возмущение Е.Ф. Сомова, так и остался эпизодом, не более того. Кстати, сам Евгений Филиппович позднее так характеризовал своего «обидчика», откликнувшись на предложение Татьяны Ивановны Киселевой, активной луначарской общественницы, поделиться своими воспоминаниями:

«Не могу не сказать несколько добрых слов в адрес Злобина Геннадия Петровича, который в жизни никак не соответствовал своей фамилии — всегда уравновешенный, доброжелательный, с неизменной улыбкой на лице».

... Нельзя считать его каким-то сверхчеловеком, - писал в своих воспоминаниях Сомов. - Просто он обладал обостренным чувством ответственности за порученное дело, как в годы войны, так и на послевоенном восстановлении народного хозяйства».

- Злобин был эффективным менеджером, отличным организатором сельскохозяйственного производства, хорошо разбирался в нем, что позволяло ему четко планировать и осуществлять каждый производственный процесс, - дополняет эту характеристику И.Д. Гурьянов. - Он никогда не торопил людей. Но всегда следил за последовательностью каждого производственного процесса. Простой комбайна из-за отсутствия машин для отвозки зерна, или опоздание с подвозом зелёнки в любой гурт считалось ЧП, проколом в работе и строго наказывалось. Поэтому буквально у всех работников совхоза чувство ответственности всегда было на первом плане.

Он учил специалистов и руководителей среднего звена быть инициативными, искать, не бояться принимать нужные решения.

Злобин не был диктатором, но рычаги управления держал в руках уверенно и твердо. Совхоз им. Луначарского был лучшим в АПО «Жигули», - повторяет Гурьянов. - Так как, хозяйство ежегодно выполняло планы и задания, имело высокие показатели урожайности и продуктивности в животноводстве, коллектив ежегодно получал премии в размере 5-ти месячных окладов и заработков за продукцию, плюс 13-ю зарплату в размере среднемесячной. Все это было под неусыпным зорким оком директора, который моментально реагировал на каждое отклонение от нормы.

Добавим, Злобин и его время — это не только жилье, Дом культуры, школа и детский комбинат. Не только молочный комплекс, машинно-тракторные мастерские, гараж, зерноток, картофелехранилища, но и полная газификация поселка, асфальтная дорога, канализация с очистными сооружениями. А еще - орошение, головная насосная станция. Это одетые в бетон многокилометровые ложе каналов, дающих живительную влагу овощным плантациям.

Злобин и его время — это прибыль, которая в отдельные годы доходила до 3 млн. рублей (в тех деньгах). Это две пятилетки подряд, когда производство в совхозе им. Луначарского было высокорентабельным. Урожай зерновых уже в те годы был 28-30 центнеров с гектара, надои - до 4000 литров молока от коровы.

Его нельзя было соблазнить одними лишь рассказами о каких-либо эффективных технологиях, агроприемах или высокоурожайных сортах зерновых. Он должен был увидеть это собственными глазами, мысленно прикинуть, просчитать, что конкретно будет иметь от этого совхоз. И если увиденное убедило его, то преград для внедрения уже не существовало.

- Однажды, - вспоминал Евгений Филиппович Сомов, - попросил меня Геннадий Петрович показать ему посевы яровой пшеницы сорта «Кинельская-59» в совхозе «Белозерский». Сорт этот вывела замечательный селекционер Н.И. Глуховцева, в ту пору директор Кинельской селекционной станции. Когда увидел Злобин посевы, то в буквальном смысле встал на колени, чтобы получше рассмотреть мощный стебель и налитой колос.

Может именно после этого уже на базе совхоза им. Луначарского и стали проводиться областные семинары-совещания по внедрению новых сортов зерновых, а затем и овощных культур, картофеля. Их можно было воочию наблюдать на экспериментальных участках, возделываемых главным агрономом совхоза Александром Яковлевичем Свиридовым.

- Не боялся Злобин экспериментировать и в животноводстве, - говорил Сомов. - В этой сфере совхоз им. Луначарского официально являлся опытно-показательным хозяйством Самарской области, считался полигоном научно-исследовательского института, «ректором» которого был Геннадий Петрович Злобин.

- И по своей основной специальности, и по жизни он не мыслил, чтобы хотя бы один день не побывать на ферме, - вспоминал Рафаэль Иванович Михалкинский. - Когда ввели комплекс, директор отправил меня по всей России добывать высокопродуктивных телочек. Где я только ни побывал — и в Московской, и в Ленинградской областях. Договаривался — и в совхоз шел транспорт с молодняком.

Как-то после одной из моих командировок Злобину позвонили из районного сельхозуправления: что это у вас там Михалкинский по командировочным столько перерасходовал? Он что, в Париж ездил?

Геннадий Петрович так отчитал звонившего, что звонков больше не было.

Коров у нас тогда было до 2500, - продолжал Рафаэль Иванович, - на одной ферме уже получали от буренки до 5000 литров молока в год. Были у нас и шеститысячницы. Одна доярка даже вышла на рубеж 7000 литров молока.

Совхоз имени Луначарского за период работы Злобина на посту директора — с 1958-го по 1982 год — 12 раз (!) по итогам Всесоюзного социалистического соревнования был удостоен высоких правительственных наград — двух Рубиновых звёзд, четырёх Переходящих Красных знамён, Дипломов и Почётных грамот.

1975 год. Партийная конференция Ставропольского района. Делегаты партконференции Г.П. Злобин, С.А. Машков, И.Д. Гурьянов.

“Равнение на знамя”

(Статья заведующего отделом сельского хозяйства районной газеты «Ставрополь-на-Волге» Владимира Степанова. 1980 год).

«Коллектив совхоза имени Луначарского в четвёртый раз стал обладателем переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Награда особенно дорога тем, что завоёвана она по итогам Всесоюзного социалистического соревнования в крайне неблагоприятном для всех производственных отраслей 1979 году.

Торжественный момент вручения знамени надолго запомнится сельчанам.

11 марта, празднично украшенный зал местного Дома культуры заполнен до отказа. В президиуме собрания ударники труда, почетные гости. На трибуне — заместитель председателя исполкома областного Совета народных депутатов Борис Михайлович Сорокин. Он тепло поздравил луначарцев с победой в соревновании, пожелал дальнейших успехов.

Сорокин коротко охарактеризовал экономическое и социальное развитие области за последние четыре года. Треть всей продукции выпускается со Знаком качества. По сравнению с уровнем 9-й пятилетки на 22 с лишним процента увеличено валовое производство, сдано в эксплуатацию пять миллионов квадратных метров жилья.

В общее дело, подчеркнул Борис Михайлович, достойный вклад внесли работники совхоза имени Луначарского. Он выразил уверенность, что и впредь коллектив будет наращивать усилия для выполнения задач, поставленных партией и правительством перед сельчанами. Под громкие овации зала Б.М. Сорокин передал знамя представителям совхоза.

С ответным словом выступил заместитель директора хозяйства Александр Яковлевич Свиридов. Он выразил общее чувство волнения, гордости и благодарности сельчан за высокую награду. Действительно, луначарцы неплохо поработали в минувшем году. Урожайность зерновых составила 24,3 центнера, надой молока от коровы — 3128 килограммов, среднесуточные привесы скота — 565 граммов. Рентабельность производства достигла 72 процентов, получено продукции на 5 миллионов 82 тысячи рублей. Свиридов назвал имена передовиков соревнования — начальника тракторного отряда В. И. Чаплагина, доярки В. А. Сычевой, тракториста А. Н. Краснова и многих других. Он заверил обком КПСС, районный комитет партии, что коллектив постарается закрепить и развить успех в завершающем году пятилетки. Были названы основные показатели, за которые решили бороться луначарцы. Урожайность хлебов не менее 26 центнеров, картофеля 115 центнеров, овощей 240 центнеров. Животноводам необходимо получить от коровы 3150 килограммов молока.

Социалистические обязательства коллектива подтвердили выступившие на собрании механизаторы Алексей Васильевич Одинцов и Валерий Григорьевич Кузнецов, доярка Мария Александровна Иванова, скотник Серафим Максимович Жуйков, зоотехник комплекса Николай Акифьевич Крутовецкий, секретарь комитета ВЛКСМ Владимир Куканов. Они поделились личными планами на 1980 год. М.А. Иванова, например, намерена получить по 3700 килограммов молока от коровы, на 160 килограммов больше, чем за год минувший.

Генеральный директор объединения «Жигули» Иван Дмитриевич Гурьянов рассказал о перспективах дальнейшего развития совхоза. С 1980-го по 1985-й год здесь должно быть освоено 15 миллионов рублей, построено 11 тысяч квадратных метров жилья, еще один животноводческий комплекс и много других объектов. Расширится орошаемый клин.

Председатель Выселкского сельского Совета Нина Сергеевна Корунова обратила внимание собравшихся на то, что два хозяйства, расположенные на территории Совета, завоевали переходящие знамена ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Это совхоз имени Луначарского и колхоз «Дружба». Закономерно, что среди народных

депутатов самые активные — передовики производства В.И. Чаплагин, А. П. Рябов, М. А. Иванова и другие.

С высокой наградой луначарцев поздравил первый секретарь райкома КПСС А.М. Морозов; собравшихся приветствовали юные пионеры. Начальник комплекса В.Н. Лушин зачитал текст письма, которое было решено от имени коллектива направить в адрес Центрального Комитета партии. Советского правительства», - говорится в статье, которую мы публикуем в сокращении.

Возвращаясь к нашему рассказу о Геннадии Петровиче Злобине и успехах возглавляемого им хозяйства, напомним, что в 1981 году за достижение высокой продуктивности полей и ферм совхоз имени Луначарского был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

115 рабочих и специалистов совхоза в разные годы были награждены орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», Октябрьской Революции, «Дружбы народов», медалями «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть».

Геннадий Петрович Злобин за годы работы на посту директора совхоза был удостоен двух орденов Ленина, орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени. Ему было присвоено почётное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР».

За ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны он был награждён орденом Красной Звезды, многими боевыми медалями.

Каким он был в быту?

Человек дела, строгий и требовательный на производстве, а каким Злобин был вне работы - в быту, в общении с друзьями, с коллегами?

- Был прост, но с достоинством, не переносил грубости, панибратства, - говорил Сергей Андреевич Машков.

- Геннадию Петровичу было 44 года, столько же и Лидии Павловне, - рассказывала Валентина Константиновна Гашина, - когда я стала женой Юрия Дмитриевича - племянника Лидии Павловны, внука обожаемой всеми в их семье бабы Шуры, замечательной, удивительной тещи Злобина. Вот так мы и породнились. Муж мой Юрий был ещё и крестником Геннадия Петровича. Мы часто бывали в их доме, вместе встречали праздники, делили радости и горести.

- Дома, в семье, - говорит она, - Геннадий Петрович был таким, какими бывают в нашей жизни все настоящие мужчины - любящим, внимательным, заботливым мужем и отцом, счастливым дедушкой внучат Вадика и Оленьки, подаренных ему дочерью Галиной и её мужем Валентином и третьего внука - Валерия, подаренного сыном Вадимом и его женой Татьяной. Их второго ребёнка, тоже мальчика - своего четвёртого внука - Геннадию Петровичу, к сожалению, понянуть не довелось. Внук появился на свет, когда деда уже не стало. Назвали его Геной, Геннадием...

Злобины были очень дружной, гостеприимной, трудолюбивой семьёй и, как это водится у нас, у русских — хлебосольной, В этом качестве особый тон всегда задавала

замечательная мастерица, стряпуха баба Шура - удивительная и неповторимая Александра Алексеевна Арефьева. Внуки Вадик и Галя так и кружились вокруг бабушки, называя её не иначе, как «Маманечка» или «Лексевнушка».

Семья Г.П. Злобина-тёща Александра Алексеевна (баба Шура), сын Вадим, дочь Галина, жена Лидия Павловна.

У Геннадия Петровича же с тещей были свои, какие-то особенно тёплые доверительные отношения: он любил её волшебные пироги, признавал и ценил все её кулинарные таланты, о чём, уединившись на кухне, они вели частенько душевные разговоры. И лишь в одном виде творчества баба Шура отдавала пальму первенства своему зятю - в приготовлении уха. Тут уж Геннадий Петрович колдовал исключительно сам, считая, что уха - дело сугубо мужское. Готовил её по собственному рецепту, в обязательном порядке добавляя в уху вместе с душистыми травами рюмку-другую водки. И уха была на славу. Что, впрочем, и неудивительно: Геннадий Петрович был заядлый рыбак.

Ещё одной страсти посвящал он иногда своё свободное время - «тихой охоте», По грибы Злобины выбирались, как правило, всей семьей в родное Поливаново, возвращались всегда с корзинами, полными груздей и рыжиков. Там, в густых Барышских лесах Ульяновской области их в те годы было видимо-невидимо. Так что, грибы - и солёные, и маринованные - водились в доме Злобиных всегда.

Однако самый важный и обязательный маршрут в Поливаново был на День Победы. Поздравив с праздником луначарцев – ветеранов Великой Отечественной, Геннадий Петрович приезжал на родину, чтобы встретиться 9 Мая вместе с отцом и матерью. Сыну – фронтовику и его родителям было что вспомнить, о чём поговорить. Пётр Михайлович, отец Геннадия Петровича, долгое время работал в системе почтовой связи: сначала телеграфистом, затем начальником почтового отделения. За многолетний добросовестный труд был награждён орденом Ленина. Мама Елена Алексеевна в юности закончила гимназию и 13 лет преподавала в начальных классах.

- Как человек, прошедший войну и получивший тяжелое ранение, последствия которого сопровождали его всю жизнь, Геннадий Петрович, - говорил Гурьянов, - не мог, конечно, быть трезвенником и не считал употребление алкоголя каким-то пороком. Но в меру. Не

любил, когда деловые встречи в обязательном порядке сопровождались застольями и обильными возлияниями.

- Даже на свое 50-летие, когда к нему приехала с поздравлениями целая делегация из АПО «Жигули», - рассказывал Е.Ф.Сомов, - он не стал устраивать никакого застолья, ну не мог сидеть без дела. Несмотря на то, что был воскресный день, Злобин встретил нас на рабочем месте, в своем кабинете. Выставил на стол бутылку «Белого аиста», дав тем самым понять, что на этом торжественная часть закончена. Извините, мол, дела.

- В начале 70-х, - припомнил Евгений Филиппович еще один эпизод, - нас, директоров совхозов, командировали в Ленинград на семинар-совещание по организации агропромышленных объединений. Разместились мы в гостинице с красноречивым названием «Советская». Вечером решили поужинать в ресторане. В богатой обстановке, с фикусами и пальмами, чувствовали себя как-то не в своей тарелке. А когда холеный официант принес меню с преёскурантом цен, совсем стало неуютно. Поняли, что даже с директорской зарплатой делать нам здесь нечего. Тогда со словами «А птичьего-то молока у вас тут и нет» Злобин встал и покинул заведение. Его примеру последовали и мы.

Нашли обычную столовую, где за пол рубля каждый взял себе и первое, и второе, и третье. Наелись, даже хлеб на столе остался, за что нас укорила пожилая работница зала: «Забыли блокаду!» И нам, руководителям сельхозпредприятий, растивших этот самый хлеб, пришлось извиняться. Такие вот контрасты в одном городе.

Ещё несколько штрихов к портрету Злобина.

- Геннадий Петрович, - пишет в своих воспоминаниях Гурьянов, - был человеком высоконравственным, может быть, даже самым высоконравственным, по моему мнению, среди своих коллег-руководителей хозяйств в нашем районе. Женившись, он в течение всей своей жизни не флиртовал ни с одной женщиной, хотя пользовался со стороны прекрасного пола большим вниманием. Видный был мужчина, даже красивый.

Никогда не ругался матом. Не терпел сальных анекдотов. Любил попариться в баньке, но в один заход.

- Любил рыбалку, - рассказывали о нем старожилы, - Сам готовил уху по собственному рецепту. Мог под ушницу и рюмочку-другую позволить, но всегда в меру.

Рыбачить любил на Висле.

- Приедет, бывало, Геннадий Петрович к нам на ферму, - рассказывала доярка второго отделения Нина Алексеевна Балякина. – Молодой, красивый, с будёновскими усами, в солдатской шинели. Когда был зоотехником, ездил верхом на своей любимой Мимозе, так звали его лошадь. Бывший конник, лихой кавалерист, он в седле был, как влитой. Машины ГАЗ-53 у него тогда ещё не было.

Посмотрит, как дела на ферме, заглянет к моему отцу Алексею Ивановичу Силантьеву, он скотником на ферме работал. Потом оба в дом пожалуют, где их мама моя, Татьяна Егоровна, встречает, очень гостеприимная она была.

- Ну, Егорьевна, сейчас мы с Алексеем рыбачить пойдём на Сусканку и ты с нами собирайся, - прямо с порога принимается шутить Геннадий Петрович. - Только уговор: взаброд ты пойдёшь, мне нельзя, воды боюсь...

Шутки шутками, а с его больной ногой взаброд, то есть с бред-нем идти по реке, ему и вправду было трудно, и Егорьевна не раз выручала их. Ну а когда наловят в Сусканке сазанчиков молодых да карасей и сварят уху на костре, тут у них душевные разговоры начинаются. И, заметьте, даже без спиртного, или по чуть-чуть.

Луначарцы с теплом и любовью вспоминают, как в молодые годы Геннадий Петрович и Лидия Павловна - оба на конях, оба зоотехники - объезжали дальние и ближние отделения совхоза. Как дружно и весело встречали праздники семьи Злобиных, Хвостовых, Михалкинских, Сучковых, Воронцовых, Свиридовых, Исаевых. Выезжали вместе на природу.

... Много времени минуло с той поры, много воды утекло вдоль луначарских берегов. К сожалению, не все представители старшего поколения этих замечательных семей сегодня живы. Светлая им память. Но жизнь продолжается. Надеюсь, что у меня ещё состоятся встречи с Виктором Ивановичем Чаплагиным, с Татьяной Михайловной — снохой Злобиных, с Надеждой Григорьевной Созиновой, с сыном Рафаэля Ивановича Михалкинского — Владимиром Рафаэлевичем, а если повезёт, то и с дочерью Светланой Рафаэлевной.

Дети. Внуки. Правнуки.

Интересной была встреча, состоявшаяся в начале 2000-х в Луначарской библиотеке, когда по моей просьбе и при активном участии Татьяны Ивановны Киселёвой «за круглым столом» собрались Галина Фёдоровна Сучкова, Евдокия Ивановна Ниякий, Нина Алексеевна Балякина, Лариса Терентьевна Ускова, другие ветераны. Тамара Касимовна Исаева тогда прийти на встречу не смогла - «Дружная семейка» не отпустила, но пригласила журналиста к себе домой. В таком же «формате» прошла встреча с Василием Петровичем Маркушевым. Каждый из них восстанавливал в памяти что-то своё - дорогое, близкое о Геннадии Петровиче Злобине, о его детях и внуках. Их воспоминания были опубликованы мной в газете «Ставрополь-на-Волге» - очерки «Злобин» (2004 г.) и «Во всём был Злобин бесподобен» (2013г.).

Вадим, сын Геннадия Петровича, рассказывали тогда на встрече родственники Злобиных, работал на Волжском автозаводе, сейчас трудится на Севере в объединении «Пурнефтегаз» машинистом подъемника. Награжден орденом «Знак Почета». Жена его Татьяна Михайловна — инженер-энергетик ВАЗа.

Дочь Злобиных Галина вышла замуж за военного. Валентин Артемович Караульнов, полковник в отставке, был начмедом воинской части. Живут они в Астрахани. Галина Геннадьевна работает в поликлинике. Подрастают внуки Злобиных.

Ещё одна встреча, посвящённая судьбам этой семьи, состоялась у меня лет через десять. Что изменилось за эти годы? Как сложилась жизнь всех Злобиных? Ответить на эти и другие вопросы я попросил близкую родственницу их семьи В.К. Гашину, по-прежнему живущую в посёлке Луначарском.

Боевой офицер Г.П. Злобин
с сыном Вадимом-морьяком Балтийского флота

- Многое изменилось, - рассказала Валентина Константиновна, - всё было в их жизни: и радости, и горести. Большую, невосполнимую утрату понесла семья Злобиных. Вадим, сын Геннадия Петровича после 23 лет работы на Севере домой приехал тяжело больным. Развитие болезни предотвратить, к сожалению, не удалось. Она прогрессировала и в декабре 2010 года в возрасте 57 лет Вадим Геннадьевич умер. Похоронен он на родине, на сельском кладбище в Луначарском, там же, где покоится его отец.

Жена Вадима Татьяна Михайловна Злобина живёт в соседнем селе Верхние Белозёрки. Не очень охотно идёт на контакты, предупредили меня, что вполне понятно после той беды, что случилась с Вадимом. Но я не мог не встретиться с ней и встреча состоялась. Мы к ней ещё вернёмся.

Дочь Злобиных Галина Геннадьевна, светлая ей память, с кото-рой, как я планировал тогда, мне тоже удастся поговорить, хотя бы по телефону, и её муж полковник медицинской службы Валентин Артёмович Караульнов по-прежнему живут в Астрахани. А до этого в связи со службой мужа и его работой по медицинскому обеспечению личного состава лётных частей, им пришлось поколесить по многим гарнизонам в Центральной России и на Урале. Сейчас оба на пенсии, но продолжают трудиться.

Галина Геннадьевна до последнего времени работала в регистратуре Астраханской городской поликлиники. Валентин Артёмович, будучи потомственным военным, пока позволяли возраст и здоровье, вёл активную работу в ветеранских объединениях.

- У них двое детей, внуки Злобиных, - рассказывала Валентина Гашина, - которые сами уже стали взрослыми. Вадим Валентинович по примеру отца и, наверное, деда тоже, избрал профессию военного. Закончил военное училище, служил в ракетных войсках. Сейчас ему около пятидесяти. Несколько лет работал в военном комиссариате Астрахани. Был военкомом. Сейчас продолжает службу в ДОСААФ. Дочери Ольге Валентиновне немногим более 40. Она закончила институт, биологический факультет. Работает.

Подрастают внуки Караульновых - правнуки Злобиных: 18-лет-няя Дарья закончила школу, 13-летняя Вика ещё учится. Это дети Ольги. Сейчас они, конечно, гораздо взрослее.

И вот звоню в Астрахань. К телефону подошёл полковник медицинской службы, теперь уже на пенсии, Заслуженный врач Российской Федерации Валентин Артёмович Караульнов:

- Галины Геннадьевны дома сейчас нет, она каждый день в это время встречает внучку Вику из школы. Вернётся только к вечеру. Но она предупредила меня, что вы будете звонить и я готов ответить на все ваши вопросы.

- Валентин Артёмович, сначала о вас. Как вы познакомились с Галиной Геннадьевной?

- Я учился на военно-медицинском факультете при Куйбышевском госуниверситете, а Галя - в пединституте на филологическом факультете. Познакомились. Очень симпатичная студентка. Она и сейчас, знаете ли, такая же, только чуть постарше. Стали встречаться. Закончили учёбу. Поженились. И началась наша семейная жизнь - как у всех, где глава семьи человек военный: сегодня - один гарнизон, через два, три года — другой. Гале, конечно, нелегко приходилось в бытовом плане, особенно поначалу. Но она же дочь бывшего фронтовика, офицера Красной Армии. К тому же Злобины, несмотря на директорскую должность Геннадия Петровича, всегда жили просто, скромно. У них в семье никогда не было пристрастия к каким-то особенным бытовым условиям.

- Вы часто бывали, подолгу жили в доме Злобиных. Каким вам запомнился Геннадий Петрович?

- Запомнился человеком с сильным характером и вместе с тем добрым, простым и открытым. Любящим свою семью — Лидию Павловну, детей и внуков, умеющим ценить каждый час, каждую минуту, которые он мог провести с ними. Жаль только, что таких часов и минут у него было очень мало. Геннадий Петрович был из породы людей - в наше время, к сожалению, редко встречающихся, которые не могли позволить себе работать кое-как, или работать, не особенно утруждая себя этой самой работой. Он полностью, до конца отдавал себя делу.

Галя вспоминала, что когда она была школьницей, отца, особенно во время весенних полевых работ и с началом уборки урожая, видела только поздним вечером. Он уезжал в поле рано утром, когда в доме ещё все спали. Часов в 8 утра, когда Галя была уже в школе, отец приезжал на 20-30 минут, чтобы позавтракать — и снова в поле. Пообедать он мог и на полевом стане вместе с механизаторами. Возвращался поздно вечером. Таким был у него не только весенне-летний график, но по сути и круглогодичный. Он жил делом, всегда делом, совхозом и ставшим родным для него посёлком Луначарский.

- Уже в последние годы, - рассказывает Валентин Артёмович, - когда он был болен, я говорил Лидии Павловне, что ему нужно бы оставить работу, или хотя бы снизить нагрузки - сердце может не выдержать.

- Вы думаете, он не понимает? - отвечала Лидия Павловна. - Всё он понимает, ему и я, и многие другие говорили об этом, в том числе и врачи. Но по другому он не может. Жить без дела, которым он занимается, без работы не сможет и одного дня. Умрёт с тоски.

- Бывали редкие, но оттого, может быть, особенно дорогие и навсегда запомнившиеся всем нам часы, минуты, проведённые с ним. Вспоминаю, как несколько раз он брал с собой в поле внучку Оленьку, которая после этого с восторгом рассказывала всем, как много интересного они с дедушкой увидели там, на этом огромном поле, и она теперь знает, что такое сурепка и ещё кое-что, таинственно добавляла Оля.

- Вот иногда говорят о человеке: у него золотые руки и ему до всего дело. Это как раз о нём, - продолжил Валентин Артёмович. - Помню, сидим мы всей семьёй за столом, наверняка суббота или воскресенье, раз Геннадий Петрович дома, хотя «полномасштабные» выходные или праздничные дни у него редко бывали, Но в тот раз он дома, редкий случай. И как на зло, в посёлке случился порыв на водопроводе. Приехали рабочие, раскопали траншею. Слесари устраняют порыв. И что-то у них там не

получается. А время-то уходит, люди в посёлке без воды сидят. Каким-то образом Злобин узнал о порыве, вероятно, позвонили. Он приехал на место и работал там вместе со слесарями до тех пор, пока порыв на линии не был устранён. И вы знаете, никого это не удивило. Это не означало, конечно, что без Злобина нигде не обойтись. Но и сидеть дома, даже, если у тебя гости, зная, что там, в траншее, люди работают и не помочь - это было не в его характере.

- Геннадий Петрович был строгим с детьми?

- Судя по Галиным рассказам, скорее добрым. Не читал никаких нотаций, не ругал, не ставил в угол, образно говоря, даже, если они что-то сделали не так. В таких случаях просто объяснял, как это нужно было сделать. Думаю, что главным, если можно так сказать, воспитательным моментом, - говорит Валентин Артёмович, - была его собственная жизнь, его отношение к любому делу — дома или на работе, отношение к семье.

Галя и Вадим росли не в какой-то особой, тепличной обстановке, никогда не были мажорами, выражаясь современной терминологией, директорскими детками. Участвовали во всех школьных мероприятиях, во время каникул работали в совхозе на уборке овощей в составе ученической производственной бригады. И у себя в саду, и на огороде, - рассказывала Галя,- дел у них с Вадимом всегда хватало: прополка, уход за овощными грядками, за клубникой и смородиной. В общем, всё, как в любой семье.

Уже заканчивая наш разговор, когда я поблагодарил Валентина Артёмовича за интересный рассказ, он, помолчав, добавил: - Галя часто вспоминала об отце, особенно один короткий, всего несколько минут эпизод, но теперь, как ей казалось, длиной в целую жизнь. - В один из последних наших приездов Геннадий Петрович и Лидия Павловна вышли на крыльцо, провожая нас. Так было всегда, ничего особенного, - говорила она. - Но мне казалось, что в тот раз отец как-то особенно долго смотрел мне в глаза. Только потом, когда его не стало, я поняла: он чувствовал, что это, возможно, одна из последних наших встреч. Наверное, прощался... Хотел запомнить этот день, всех нас...

P.S. Теперь и самой Галины Геннадьевны не стало.

В самом начале нашего рассказа о родовом древе Злобиных мы говорили о сыне Геннадия Петровича - Вадиме Геннадьевиче и его безвременной кончине в 57-летнем возрасте. Тяжело говорить об этом, но такой же трагической, словно рок какой-то, была и судьба его собственного сына, старшего - Валерия Вадимовича, который буквально через три года после смерти отца 37-летним ушёл из жизни. Светлая память тебе, Валера, память, которую ты оставил о себе своими замечательными детьми - Яной и Славиком — это ещё двое правнуков Геннадия Петровича Злобина.

Ну а мы от всего сердца желаем младшему сыну Вадима Геннадьевича — Геннадию, у которого подрастают трое замечательных детей, все трое мальчишки, теперь уже повзрослевшие молодые люди— Марк, Георгий и Вадим, внуки Вадима Геннадьевича и Татьяны Михайловны Злобиных - крепкого здоровья, счастья, благополучия и долгих, долгих лет жизни.

Вадим и Татьяна

И вот - Верхние Белозёрки. Улица Специалистов, 24. Здесь в большом красивом доме с приусадебным участком, с бело - розовой кипенью цветущих по весне яблонь, груш и вишен, жимолости и смородины, живёт женщина, в жизни которой было всё: счастливые студенческие годы в Тольяттинском политехе, весна первой встречи с любимым человеком, и счастье рождения первого сына, второго. И - страшное, непоправимое горе! Как, откуда, за что? Что они сделали не так?

Жизнь у них с Вадимом хоть и не в розовом цвете складывалась, но всё было в их молодых сильных руках. Она с отличием заканчивала институт, впереди - инженерная должность на ВАЗе, у него тоже работа на автогиганте. Да, зарплата у обоих была более, чем скромная - 120 рублей, но так начинали тогда многие молодые семьи. Как же случилось, что сегодня в этом большом и красивом доме, в этом саду Татьяна Михайловна одна?

... Казалось бы, чего проще было ещё раньше встретиться с ней, это же не далёкая Астрахань, где жила Галя, сестра Вадима, это Белозёрки, рядом.

Вадим и Татьяна после свадьбы.

Но не так просто было войти в этот дом, не ради же праздного любопытства. Как задать ей эти трудные вопросы? Легко ли вспоминать ей, разом потерявшей всё, что было так дорого - мужа, а следом и сына. Я не слышал от неё этих горьких слов. Их просто не было, как не было и слёз. Только потом, во время нашего долгого разговора, на мгновение что-то мелькнуло в её глазах, или мне показалось? Да, скорее показалось. За столом с горячим чаем и только что испечённым пирогом сидела гостеприимная хозяйка, спокойная, уверенная в себе женщина. Сильная женщина.

Ну а тогда, в тот страшный день, когда открылась дверь и на пороге, опираясь на костыли, стоял её Вадим, которого, после всего, что случилось с ним там, на Крайнем Севере, поддерживали двое друзей, сопровождавшие его оттуда. Тогда было, наверное, всё: крик, слёзы, потрясение. И ещё позже, после операции...

17-летнего луначарского парня Вадима Злобина, работавшего после школы шлифовщиком в цехе 51-1 корпуса вспомогательных цехов ВАЗа, и первокурсницу

Тольяттинского политеха Татьяну познакомил случай. Танина мать встретила в городе знакомую из Луначарского, и та попросила ее пустить переночевать сына, которому рано утром нужно было успеть к отправке на сборный пункт в Сызрани. Вместе с призывником приехал его друг Вадим. Так и познакомились.

Проводил Вадим друга в армию, а сам через несколько дней пришел к Татьяне в институт. Стали встречаться, сначала один-два раза в неделю, потом чуть ли не каждый день. Татьяне нравился Вадим, с ним было интересно. Он рассказывал о своем родном поселке на берегу моря, о школе, о друзьях. Татьяна, глядя на его стройную, по-юношески подтянутую фигуру и пробивающийся пушок на верхней губе, подшучивала:

- Быть тебе в Морфлоте, добрый молодец.

И как в воду глядела. Через шесть-семь месяцев после их знакомства Вадиму пришла повестка из военкомата. Комиссию прошел без проблем: здоров, годен к службе. И был призван в армию. Да не куда-нибудь, а именно в Морфлот. Службу Вадим проходил в Кронштадте, в морской колыбели России. Город-форт был в свое время надежной базой для Петровского Балтийского флота. И в наши дни, сохранив славные морские традиции, Кронштадт служит отличной школой воспитания молодых кадров для Военно-морского флота России.

Все три года наш земляк нес службу на тральщике. Okреп, возмужал, закалился на ветрах Балтики. Команда уважала боевого исполнительного матроса. А когда к нему приехал его отец - участник Великой Отечественной, бывший боевой офицер, кавалер ордена Красной Звезды, это стало для моряков большим событием. Геннадия Петровича встретили на корабле с почестями. Командир тральщика организовал для него экскурсию по кораблю, познакомил с командой, с историей судна.

Побывала в Кронштадте и Татьяна. На тральщик ее, понятное дело, не пустили, зато матросу Злобину было разрешено внеочередное увольнение на берег.

Пролетели три года службы и в 1975-м матрос Злобин возвращается домой. Пришел на родной ВАЗ, в свой цех, откуда его провожали на службу и где не забывали. В мае 1975-го Вадим и Татьяна — обоим словно по заказу исполнилось по 21 году — соединили свои судьбы.

- Спрашиваете, каким был Вадим, - говорит Татьяна Михайлов-на. - Всего-то 21 год был ему, когда мы поженились, но я видела, понимала, что рядом со мной серьезный, надежный человек. Пусть пока еще юноша, но с сильным, как у отца, характером. В нем всегда чувствовалась, и не только чувствовалась, но и проявлялась в делах, мужская ответственность перед своей работой, перед семьей. Всегда жила в нем забота о детях, о семье. Уже с первых лет нашей совместной жизни он совсем по-взрослому стремился и добивался, чтобы в нашем с ним доме, пусть пока в съемной комнатухе, все было хорошо. Наверное, это тоже от его отца.

Первое время молодые снимают комнатку в городе, потом демобилизованному флотскому, работавшему до службы на ВАЗе, выделяют без очереди малосемейку. 20 февраля 1976 года в молодой семье появился первенец. Назвали сына Валерием. Теперь у них семья и почти каждую неделю по выходным они втроем едут в Луначарский, где их

с нетерпением ждут Геннадий Петрович, Лидия Павловна и ангел-хранитель этого дома баба Шура.

- Встречи со старшими Злобиными, - говорит Татьяна Михайловна, - стали для меня, тогда еще совсем молодой женщины, матери, самыми яркими впечатлениями, запомнились на всю жизнь. Мы с Вадимом и Валериком часто бывали у них, подолгу жили. Что особенно запомнилось — это удивительная простота и душевность в их доме, отношения между ними- простые и одновременно высоконравственные, за которыми была их внутренняя культура, интеллигентность. Такими были они — Геннадий Петрович, Лидия Павловна, Александра Алексеевна.

Никогда не было в их семье не то, что скандала, или какого-то окрика со стороны Геннадия Петровича или Лидии Павловны, но даже повышенного тона. Хотя все знали, как строг и требователен был Злобин, какая у него напряженная и ответственная работа. Но вот приходит Геннадий Петрович вечером домой, и как всегда с порога:

- Лидусь, это я. Как у нас дела?

Они с Лидией Павловной были словно созданы друг для друга, каждый по-своему дополнял, обогащал своим теплом и мудростью атмосферу в семье. В доме всем заправляла, конечно, мать. Так я и по сей день зову Лидию Павловну. Она как-то легко, естественно и просто умела все в доме организовать, расставить по своим местам. Чтобы всем было комфортно, уютно. Чтобы везде был порядок. И я, сноха Злобиных, с первых же дней почувствовал себя членом семьи.

- Геннадия Петровича мы видели не так часто, как хотелось бы, - продолжила рассказ Татьяна Михайловна. - Он уходил ни свет-ни заря. Возвращался затемно. С началом посевной и тем более уборки урожая в совхозе, приходил с почерневшим от усталости лицом, весь в пыли.

- Смотри, сноха, вот рубашечка директора совхоза, - показывала мне Лидия Павловна сорочку Геннадия Петровича, - с утра белой была.

Всегда буду помнить, с каким теплом и радушием встретили меня в доме Злобиных. Буквально с первых же часов куда-то ушло мое волнение, внутреннее напряжение. И я почувствовала себя так, словно давно живу в этом доме, не один год уже знакома с этими удивительно добрыми и внимательными людьми.

Помню, обращаюсь я с каким-то вопросом к Александре Алексеевне, теще Геннадия Петровича, и уважительно называю ее бабушкой. Деликатный человек, умница, она тактично приняла мое обращение, а Геннадий Петрович через несколько минут, как бы строго между нами, говорит мне «на ушко»:

- Таня, зови ее лучше маманей, а то любить не будет...

Разумеется, я приняла его подсказку и вскоре мы с Александрой Алексеевной, замечательной стряпухой и мастерицей жили душа в душу. Она учила меня варить варенье и приговаривала:

- Учись, пока я жива. А то помру, ничего не узнаешь из моих секретов.

Варенье у тещи Геннадия Петровича действительно получалось великолепное, как и все остальное, к чему прикасались ее удивительные руки.

- По-особому дороги, - сказала Татьяна Михайловна, - были те редкие часы, которые мы проводили с Геннадием Петровичем на природе, на рыбалке, которую он очень любил. Как-то пригласил он нас с Вадимом и Степаном Николаевичем Исаевым, с которым дружил, на рыбалку в ночное.. Незабываемой была эта ночь у костра, уха, которую по-особому, со всеми мужскими секретами варил Геннадий Петрович. Долго сидели у огня, разговаривали, а Геннадий Петрович вспоминал, как в самом начале своей работы в совхозе зоотехником, вот в этом овраге, показал он, недалеко от берега, создали тогда запруду и разводили уток, гусей.

- Здесь и прошли мои молодые годы. Неделями пропадал в этом овраге, - смеялся он, вспоминая молодость.

Злобин был очень сильным человеком, сильный духом, характером. Рассказывали, и вы, наверное, не раз это слышали, что на работе он никогда ни на кого не кричал, не был грубым. Но его уважали все, даже побаивались. Это от характера, от его уверенности в том деле, которому он посвятил свою жизнь. Эта его внутренняя сила передавалась всем, кто был с ним рядом. Рассказывают, что за все годы его работы на посту директора он никого не отдал под суд, не посадил, не наказал строго. Хотя, как и в любом хозяйстве, были, конечно, какие-то нарушения.

Помнится, едем мы - Вадим, я, Лидия Павловна с Геннадием Петровичем на машине вдоль овощной плантации. Дело к вечеру. Прямо перед нами выходят на дорогу женщины с мешками капусты. Геннадий Петрович остановил машину, подошел к ним:

- Ну как вам не стыдно? Разве совхоз мало выделяет вам всего, что необходимо для семьи?

Молчат бабоньки, мнутя... Прости, Геннадий Петрович...

Ничего не сказал. Сел в машину и мы поехали. Мне показалось, что он сам в этот момент переживал больше тех, кто встретился нам с мешками капусты.

- В январе 1984 года, - продолжает свой рассказ Татьяна Михайловна, - наша с Вадимом семья пополнилась. Родился второй ребенок, мальчик, которого мы в честь ушедшего из жизни двумя годами раньше Геннадия Петровича, назвали Геней. Лидия Павловна очень рада была рождению второго мальчика в нашей семье, внука. И в один из первых дней после моего возвращения из роддома приехала к нам. Помню, подошла к кроватке, в которой лежал наш малыш, склонилась к нему и говорит: «Геночка, дай ручку!»

Эти слова и её голос в те минуты, какой-то по-особому волнующий и трогательный, запомнились мне на всю жизнь: «Геночка, дай ручку» - и кладет в его крохотную ручонку золотые часы Геннадия Петровича с дарственной надписью, врученные ему когда-то высоким начальством. Для Лидии Павловны внучок Геночка был и остался дороже не только тех золотых часов, которые она положила на его ручку - дороже всей жизни. А часы она принесла тогда новорожденному не от себя, а от деда. Внуку Гене - от Геннадия Петровича.

Жизнь в семье Вадима и Татьяны Злобиных продолжается. Те-перь у них два сына. Молодые родители работают. Татьяна по-прежнему на Волжском автозаводе, где она была сначала техником ПТО, затем конструктором в отделе главного конструктора прессового производства. Еще дальше в КВЦ инженером по ремонту оборудования. Должности у неё вроде бы классные, а вот зарплата не очень: всего 120-130 рэ. Проблема в том, - говорит она, - что, как ни старалась, так и не смогла получить классность. Так получилось. Потому и заработок такой. Столько же получает и Вадим, продолжая свою трудовую биографию шлифовщиком на ВАЗе.

- Денег стало не хватать, - вспоминает Татьяна Михайловна, - туго нам приходилось. Уже не было в живых Геннадия Петровича, а в 1983-м умерла моя мама. Помощи ждать неоткуда. Тогда Вадим по совету своего друга, не первый год уже работавшего вахтовым методом на предприятиях нефтегазовой отрасли, принимает решение: ехать на Север. Работает машинистом подъемника в крупном северном комплексе «Пурнефтегаз». Неделя — на севере, неделя — дома. Потом вахта усложнилась: вместо недели — месяц. Руководство «Пурнефтегаза» решило, что еженедельные авиарейсы вахтовиков слишком накладны для предприятия. Теперь Вадим бывает дома через месяц.

Семейное положение, конечно, улучшилось. Вадим привозит с севера неплохие деньги. Теперь у них 4-комнатная квартира, купили новую мебель, обновки детям. На семейном совете решили приобрести домик в Верхних Белозерках с участком в 8,5 соток.

- Будет, как дача, - радовался Вадим.

В общем, все у них складывалось теперь удачно, жить бы да жить молодой семье. Северная вахта Вадима к началу 2005 года перевалила уже за два десятка лет, а вместе с работой на ВАЗе и службой в армии его общий трудовой стаж был порядка 32 лет. За ударную работу в объединении «Пурнефтегаз» машинист подъемника Вадим Геннадьевич Злобин награжден орденом «Знак Почета». Удостоен звания «Почетный нефтяник России». Как одному из ветеранов предприятия, ему в честь профессионального праздника нефтяников вручили памятный знак. В красивом шестиугольнике из хрусталя переливается впаянная в него капля нефти. Татьяна Михайловна вынесла это чудо в зал, поставила на видное место, как память о Крайнем Севере и ещё раз о том же 2005 годе, ставшем для обоих рубежным, разделившим их судьбы, всю жизнь на две части - «до» и «после».

Беда, которая нагрянула в 2005-м, беда для обоих, для всей семьи, подкрадывалась, как теперь становится ясным, не один год. Невидимая, поначалу не ощущаемая болезнь подтачивала организм Вадима.

Как часто мы, мужчины, не обращаем внимания на какие-то боли, небольшое недомогание, Ну, побаливает где-то... Ерунда, пройдет. А оно не проходит... Обратиться к врачу? Ну что вы, не стоит! Или - потом как-нибудь, сейчас некогда... Диабет, который был у Вадима, наверное, тоже до поры - до времени не вызывал у него особых тревог. Пока не возникли боли в ноге, затем стали все сильнее и сильнее. Потом возникло нагноение.

Домой, в тольяттинскую квартиру, Вадима привезли его друзья-вахтовики. Двое поддерживали Вадима. Сам он был на костылях. Дальше ещё хуже. Как говорят, пришла беда - отворяй ворота. Ну все, куда хуже-то, если при первом осмотре врачи сказали, что

ампутации — до колена — скорее всего не избежать. Однако при новом, еще более глубоком обследовании в одной из клиник Самары у него обнаружили злокачественную опухоль почки. Предлагают делать сразу обе операции. По их мнению, это был бы лучший «худший» вариант.

Молодой мужчина, 51 год. Прошло еще пять лет после ампутации ноги, в течение трех из которых они ездили в Самару к онкологу по поводу опухоли на почке. И три раза Вадим отказывался: нет, ещё одной операции не будет, не хочу! Став в 51 год инвалидом, без ноги, он, наверное, не смог, не хотел принять такое состояние. А кто из нас, не дай Бог, конечно, был бы готов к такому повороту судьбы?

- Вадим не знал, как жить дальше. Он не хотел быть инвалидом, не хотел жить, перестал бороться. Эти горестные слова произнесла Татьяна Михайловна, хотя еще почти пять лет Вадим жил после ампутации, что-то пытался делать, чем-то заниматься. Но эти трудные пять лет были последними. Вадим Геннадьевич Злобин ушел из жизни в 57 лет, в декабре 2010-го.

Вот такая судьба - тяжелая, неимоверно горькая. Казалось бы, хватит! Не может, не должно быть в жизни одной женщины такого, никому не пожелаешь: ещё не отойдя от потери мужа, через три года идти за гробом сына. Но и это ей пришлось пережить.

Валера рос веселым, жизнерадостным. Всегда с улыбкой, с юмором. Мечтал о дальних походах, путешествиях. 13-летним убежал тайком из дома, сел в поезд и махнул в Саратов. За впечатлениями. Мать за ним помчалась. Нашла. Вернула домой.

- Второй страстью Валерки после путешествий была рыбалка. Как увидит где-нибудь какую-нибудь лужицу или речушку, - вспоминает Татьяна Михайловна, - тут же разворачивает свои рыбацкие снасти.

Валера окончил среднюю школу, работал плотником в ЖЭКе. Любил и умел работать с деревом. - Настоящим бесребреником был мой Валерка, - улыбается Татьяна Михайловна. - Сделал как-то вполне приличный ремонт на лоджии нашей соседке и ничего, ни рубля с неё не взял. Женился на доброй красивой девушке Оксане, украинке. Двоих детей Оксанка подарила Валере. Яночке сейчас уже 18 лет, Славику — 14. Встреча наша была летом 2018-го.

- Господь дал мне радость увидеть в последний раз глаза моего Валерочки, проститься с ним, - сдерживая слезы, говорит Татьяна Михайловна. - Помню, Оксана попросила меня по каким-то делам отвезти её в Александровку. С обратной дороги позвонила домой: «Валера, ты дома?» Он был дома. Мы приехали. Я посидела у них, поговорили обо всем. Валера вышел на крыльцо проводить меня. И такие глубокие чёрные глаза были у него, очень красивые глаза и добрые. В тот вечер он ушел на работу, а утром позвонила Оксана: «Валера умер!» Врачи сказали: порок сердца...

И остался у матери младший сынок Гена. Дорогой Геннадий, живи, пожалуйста, долго! Очень долго — и за деда Геннадия Петровича, и за отца Вадима Геннадьевича, и за брата старшего Валеру. И за себя. У тебя такое богатство: трое детей и все мальчишки, сегодня уже юноши, правнуки Геннадия Петровича Злобина - Георгий, Вадим и Марк. Имена-то какие выбрали, красивые имена. Пусть их жизнь будет такой же красивой - долгой и счастливой, крепкого здоровья всей вашей семье.

Геннадий отслужил в армии, закончил вечернюю школу, потом Усольский сельскохозяйственный колледж по специальности механизация сельскохозяйственных работ. В общем, жизнь продолжается.

Да, жизнь продолжается — в горести и радости, в детях, внуках и правнуках большой семьи Злобиных, в Летописи земли Луначарской, хранящей неизбывную память о Геннадии Петровиче Злобине — человеке обыкновенном и необыкновенном, простом и сложном, мечтателе и реалисте. Человеке, для которого в его короткой, как одно мгновение, жизни не было ничего важнее служения делу, людям.

Неожиданный звонок:

«Здравствуйте, я племянник Злобина»

Ну а жизнь действительно продолжается, приносит новые имена, новые встречи с интересными людьми.

Июль 2018-го. Звонок из хорошо знакомого нам Поливаново, что в Барышском районе Ульяновской области:

- Здравствуйте! Я - Филиппов Юрий Васильевич, племянник Геннадия Петровича Злобина.

- Здравствуйте! Очень приятно, но, признаться, довольно неожиданно. Скажите, по какой линии вы родственник Злобина?

- По моей маме Лидии Петровне Филипповой, в девичестве Злобиной, сестре Геннадия Петровича.

- Как вы нашли меня?

- Я приехал в Ставропольский район, в село Верхние Белозерки к Татьяне Михайловне, снохе Злобиных. Она сказала, что в Тольятти есть журналист, который собирает материалы о луначарцах, о Злобине. И дала ваш телефон.

- Чем вы занимаетесь?

- Лесоразработкой. Барышский район, как и вся Ульяновская область, богат лесами. Плюс сельское предпринимательство, фермерство. Я мог бы подробнее рассказать о своей жизни, о делах. Мне есть, чем поделиться. Но вряд ли это возможно по телефону. Обо мне есть несколько публикаций в Интернете.

Итак, Юрий Васильевич Филиппов, 1963 года рождения. Известный в Поливаново и во всем Барышском районе предприниматель - лесопромышленник, Заслуженный фермер России.

- В 1984 году я вернулся из армии и сразу устроился в Барышский леспромхоз водителем лесовоза. Восемнадцать лет возил хлысты, передовиком был на своём лесовозе, - рассказывает Филиппов.- Потом решил заняться лесом уже в качестве предпринимателя. Сначала оформил ИП, затем стал арендатором. Взял два небольших участка — в общей сложности меньше 2 тысяч гектаров — с расчетной лесосекой 5 тысяч кубометров. Закупил оборудование. Самое современное, мощное. Такой пилорамы, как у меня, ни у кого в округе нет. Правда, пришлось в свое время взять большой кредит. На этом оборудовании я могу перерабатывать 1200 кубометров леса в месяц! Но у меня столько

нет — приходится докупать лес у соседей. Осенью уберу урожай в своём фермерском хозяйстве, продам зерно, на вырученные деньги куплю лес. Зимой продал лес — на вырученные деньги провел посевную весной. Параллельно выплачиваю кредиты за технику и оборудование, плачу зарплату людям, налоги (только за прошлый год отдал в казну 3 миллиона). Больших доходов нет, дорогие машины не покупаю, роскошных коттеджей не строю. Лес идет на производство пиломатериала, срубов, а также межкомнатных дверей.

- Сын пришел из армии и попросил отдать ему старый коровник под дверной цех. Я отдал и дело пошло, - продолжил Юрий Васильевич. — Брус для дверей производят из отходов основного производства. Дверной цех будем расширять — поставим новую линию сращивания.

Второй сын помогает отцу на пилораме, а двое младших — мальчик и девочка, двойняшки — пока учатся в школе. Оба старших окончили ульяновские вузы, но оставаться в городе не желали. Вернулись в родное село, женились. У Филиппова уже и внука есть. Жена работает в местной школе завучем.

Помимо лесного хозяйства Филиппов, как уже было сказано, занимается фермерством. Держит около сотни голов крупного рога-того скота мясных пород, возделывает 6 тысяч гектаров земли. Выращивает в основном озимую пшеницу и подсолнечник.

- Земля у нас скудная, — сетует Юрий Васильевич, — но за счет больших площадей есть возможность части сельхозугодий отдыхать под паром. Своевременно вношу минеральные удобрения, использую элитные семена, поэтому на урожаи не жалуюсь. В 2014 году средняя урожайность составила 32 центнера с гектара, а на одном из полей — все 57. В этом году рекордов, конечно, нет — засуха.

Сельским хозяйством Филиппов начал заниматься по случаю — в соседнем селе разорилось хозяйство, от которого осталась неплохая техника. Юрий Васильевич ее купил. Теперь у него в арсенале «Джон Дир», «Челенджер», «Медион», качественные агрегаты.

- На землю жалко было смотреть, - говорит он. — Работать на ней никто не хочет, поля ёлками зарастали. Вот я их и распахал...

Большая часть производимого зерна идет на продажу, часть остается на корм скоту. Заготавливают в хозяйстве Филиппова и сено. И в лесу, и в поле работают одни и те же люди — 16 человек. Зарабатывают порядка 20 тысяч рублей в месяц. Для Барышского района это неплохие зарплаты.

- Людей стараюсь не обижать, ведь если не дать им заработать здесь, они уедут в Москву, оставят жен и детей, а это неправильно, — рассуждает Филиппов. — Если мои работники держат скотину — даю им столько зерна, сколько нужно. Или, например, женился работник, хочет жить своим домом — дам ему денег на обустройство. Знаю, что отработает. Всегда прошу: все свои проблемы приносите мне. Решим.

Работу на земле он начинал со 150 гектаров, которые взял у Барышского района в долгосрочную аренду. Быстро довел до 720 гектаров, из которых 400 пошли под озимую пшеницу. Еще 320 подготовил для сева яровых. Было это еще в 2007 году. В аренду

получил земли бывшего подсобного хозяйства районной «Сельхозтехники». Земля много лет не обрабатывалась. Заросла самосевом, который к тому времени превратился в настоящий лес. Филиппов собрал окрест мужиков и повел их в атаку на заброшенные поля. Самосев валили пилами, сгребали бульдозером и трелевочным трактором. На зачистку пускали дискатор. Корешки собирали вручную. Грузили на тракторные тележки и вывозили. Раскорчевали 200 гектаров сплошного леса.

Сейчас у Филиппова в обработке 2352 гектара, а всего 3,5 тысячи. Помимо зерновых ввел в оборот 500 гектаров подсолнечника на семена. Есть многолетние травы. Создал 40 гектаров культурных пастбищ. Позаботился, как мы уже говорили, о технике. Конечно, не сразу появились у него мощные импортные машины — трактор «Джон Дир» и зерноуборочный комбайн «Медион». Но теперь вместе с ними у Филиппова автомашина «МАЗ-500», два трактора МТЗ-82, топливо-заправщик, кормозаготовительная техника, прицепной инвентарь. Возделывает не только пшеницу, но и овес, ячмень, горох.

С 2007 до 2012 года, по его словам, вложил в землю 50 млн. рублей. Завистники говорят ему: «мол, выезжаешь на своей лесопилке!» Он и не скрывает: «Лес всегда был и остается в цене. Но я не арендатор леса, я покупаю его на собственные деньги, перерабатываю и продаю. А вырученные деньги перебрасываю на землю: приобретаю семена, удобрения, ГСМ, средства защиты растений.

В 2011-м Филиппов вступил в программу Минсельхоза Ульяновской области «Развитие семейных животноводческих ферм на базе КФХ». По свидетельству директора областного агентства по развитию сельских территорий Р. Кантемирова, стоимость проекта 35 миллионов рублей, из которых 21 млн — собственные средства предпринимателя. Филиппов одержал победу в конкурсе и стал обладателем гранта в 11 млн рублей. Сначала у него было 27 голов КРС мясного направления — породы казахская белоголовая и симментальская. За полтора года стадо выросло до 63 голов и продолжает увеличиваться.

Однако не все гладко было у него. Одно время Филипповым заинтересовалась прокуратура Ульяновской области, усмотрев в выделении ему крупного гранта нецелевое использование бюджетных средств, о чём тоже сообщается в Интернете. По мнению работников прокуратуры, в упомянутой выше программе областного Минсельхоза речь шла о развитии семейных ферм, тогда как предпринимательская деятельность Филиппова и в целом его хозяйство трудно вписываются в рамки семейной фермы на базе КФХ. Поэтому выделение ему крупного гранта, как победителю конкурса, нельзя считать правомерным, заявила прокуратура. Однако, Ульяновский Минсельхоз выступил в защиту Филиппова, как одного из самых крупных и успешных предпринимателей и фермеров области, который многое делает не только в сельскохозяйственном производстве, но и в решении социальных проблем села. В общем, предпринимательская деятельность Юрия Васильевича Филиппова продолжается — непростая, нелёгкая, как и у многих российских фермеров и предпринимателей.